ЕВРОПА 21.05.2024 | Эрнст Хиллебранд

Уже не еврофобы?

Правые популисты все чаще позиционируют себя как настоящие защитники Европы. Силу этого нарратива не следует недооценивать.

Через несколько недель состоятся выборы в Европарламент. Опросы показывают высокие рейтинги правопопулистских и евроскептических партий. Более того, в Страсбурге и Брюсселе могут появиться новые созвездия политического большинства. Учитывая это, возникает вопрос, в чем заключается и как проявляется «антиевропейскость» этих партий. Ведь сами они позиционируют себя совсем иначе: не как оппоненты, а как защитники Европы. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан любит писать в X под хештегом MEGA – Make Europe Great Again.

Такое поведение имеет две основные причины. Одна из них банальна, обусловлена предвыборной тактикой: правые популисты и национал-консерваторы по всей Европе поняли, что чрезмерная критика ЕС и постоянные конфликты с брюссельскими институциями не окупаются на избирательных участках. Марин Ле Пен с заявлениями о желании выйти из еврозоны не выиграла президентские выборы во Франции, Ярослав Качиньский с навязчивой критикой ЕС не победил на парламентских выборах в Польше. Другую модель взяла на вооружение Джорджа Мелони, которая хочет не выйти из ЕС, а скорее захватить его политически и изменить изнутри. *If you can't beat them, join them.*

Кроме того, изменилась сама идеология правого популизма. Американский политолог Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Идентичность» еще в 2018 году отметил, что ориентация левых на политику идентичности с ее акцентом на правах меньшинства грозит дефицитом представительства и признания среди большинства. Правый популизм очень удачно пролез в этот пробел. Он использует концепции левой политики идентичности, но меняет направление их аргументации: вместо того, чтобы делать акцент на правах меньшинства, он утверждает право большинства на признание, уважение и сохранение своей культурной идентичности. То есть стилизует себя не только под защитника традиционных

национальных идентичностей, но и под защитника исторического Запада и его институтов.

Этот идеализированный Запад, историческим ядром которого является Европа, опирается, согласно аргументации правого популизма, на три институциональных столпа: нацию, «естественную семью» как основу общества и христианство. Исторически Европа стала тем, чем была долгое время – образцом цивилизации и научно-техническим центром мира – благодаря тому, что сформировала политические сообщества, способные действовать вместе с нациями, которые бы объединяли и представляли культурные идентичности народов. «Нация, – говорит Виктор Орбан, – это замечательное изобретение Запада. Это сердце свободного мира».

Правый популизм очень удачно пролез в пробел

Второй столп – «естественная семья», состоящая из женщины, мужчины и ребенка (детей). Именно в этой базовой ячейке общества происходит основное культурное и эмоциональное формирование людей (что, как утверждается, делает его особенно нежелательным для либерализма, направленного на идеологическое перепрограммирование). Задача государства – сохранять и защищать семью, давать людям возможность рожать и воспитывать детей.

В-третьих, с переходом к идентичностному дискурсу увеличилось и количество ссылок на христианство. Эти ссылки, конечно, имеют подтекст: обвинения современного либерализма, а также исламской иммиграции в том, что они угрожают этому фундаменту западного мира. Как сказала Джорджа Мелони в одном из интервью, христианские (а также эллинистические) корни отличают Запад от остального мира: «Мы на Западе считаем, что эти принципы – свобода, равенство, демократия, справедливость, синтез разума и трансцендентности – универсальны. Но, если посмотреть вокруг, приходится признать, что это не так, что эти ценности характерны для культуры определенной части мира. Это наша идентичность – европейцев и западных людей, детей классической и иудео-христианской культуры».

И, конечно, популизм также претендует на демократичность. Это потому, что очень важным аспектом того христианского Запада, о котором рассказывает [правопопулистская] аргументация, является его демократический характер: демократия возникла на Западе и

нигде больше. Она смогла возникнуть, потому что христианство предполагает фундаментальное равенство людей перед Богом. «Либеральная демократия никогда не смогла бы возникнуть без христианского культурного фундамента», – говорит, например, Виктор Орбан.

Этот идеализированный Запад, этот цивилизационный европейский проект, основанный на христианстве, нациях и семьях, сейчас, как утверждает правый популизм, под угрозой. Его атакуют якобы чрезмерный и все более авторитарный либерализм и брюссельский проект централизации. Либерализм, мол, ненавидит все традиции и традиционные институты, а брюссельский бюрократизм – нации и национальные демократические государства. Система с центром в Брюсселе позволила создать порядок, обесценивающий участие граждан в демократических процессах, ослабляющий национальные государства как сферы действия и организации, а также значительно расширяющий сферу влияния властных и имущественных элит.

Все же силу правопопулистского нарратива о европейской идентичности не следует недооценивать

В своей речи в Гейдельбергском университете в марте 2023 года бывший премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий предупреждал об опасности возникновения европейской супердержавы, которой будет руководить «немногочисленная элита». «Политика, – отмечал он, – это всегда о выборе. Но этот выбор должен делаться у избирательных урн, а не в тихих кабинетах бюрократов. Действительно ли мы хотим общеевропейскую космополитическую элиту с огромной властью, но без мандата от избирателей?». Результатом этого будет не более сильная Европа, а более слабая, которая сама лишит себя источников силы и, соответственно, не сможет реализовывать свой потенциал. «Европа может быть намного успешнее, намного больше, намного развитее и намного мощнее, чем ее нынешний послужной список», – говорил Виктор Орбан в 2019 году.

Любая идеология – это интеллектуальный конструкт. Правый популизм в его нынешнем виде презентует себя как разновидность позитивного «окцидентализма». Он проецирует культурные, социальные и политические характеристики на идеализированный

«Запад» и идеализированную «настоящую Европу». Таким образом он определяет культурную идентичность, которую необходимо сохранять и защищать от цивилизационно других вещей – современного ультралиберализма, иммиграции, ислама. Или, как объясняет Мелони: «Я вовсе не хочу дистанцироваться от Европы, я хочу, чтобы Европа не дистанцировалась от самой себя».

Эта конструкция ужасно сомнительна. Этого чудесного Запада, этой идеализированной Европы, населенной мирными народами и счастливыми семьями, никогда не существовало. Демократические импульсы христианских церквей также на протяжении 2000 лет оставались управляемыми – как внутри, так и снаружи. И все же силу правопопулистского нарратива о европейской идентичности не следует недооценивать. В мире, где обостряются экономические, геополитические и культурно-религиозные противостояния, где растет глобальная миграция, а конец западной гегемонии становится все более ощутимым, политика идентичности, отстаивающая «свое», европейскую цивилизацию и ее ценности, может оставаться привлекательной.

Основные мотивы дискурса правого популизма – защита западных ценностей, укрепление Европы – бесспорно, также связаны с темами устоявшейся политики. Она тоже считает, что «европейский образ жизни» под угрозой, но по совсем другим причинам, чем правый популизм. Задача мейнстримной политики – лучше, чем раньше, объяснять, почему ее политические предложения более подходят для защиты европейских ценностей и интересов. На фоне результатов выборов во многих европейских странах в предыдущие годы можно заподозрить, что до сих пор это было не совсем успешно. Простое навешивание ярлыков «еврофобов» на правых популистов, очевидно, будет все менее эффективным.

Эрнст Хиллебранд
Будапешт

Д-р Эрнст Хиллебранд (Ernst Hillebrand) является руководителем

проекта «Европейские экономики Востока» Фонда им. Фридриха Эберта в Будапеште. После изучения политологии с 1990 года работал на различных должностях в Фонде, в частности, был руководителем отдела Анализа международной политики, отдела Центральной и Восточной Европы, а также руководителем представительства в Варшаве, Париже, Лондоне и Риме.